

Ioannidis, 2005 – *Ioannidis J.P.A.* Working Paper Series no. 322.PERI, University of Massachusetts, Amherst. Ioannidis, J.P.A. (2005). Why most published research findings are false, PLoS Medicine, Vol 2. Issue 8, 696 – 701.

Goodman, Greenland, 2007 – *Goodman S., Greenland S.* Why most research findings are false: Problems in the analysis, PLoS Medicine, Vol 4, Issue 4, 773.

Luhmann, 2000 – *Luhmann N.* «Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives», in Gambetta, Diego (ed.) Trust: Making and Breaking Cooperative Relations, electronic edition, Department of Sociology, University of Oxford, chapter 6, pp. 94-107 // URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.23.8075&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 01.05.2023).

Serra-Garcia, Gneezy, 2021 – *Serra-Garcia M., Gneezy U.*, Nonreplicable publications are cited more than replicable ones, *Science Advances*, 2021 // URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/sciadv.abd1705> (дата обращения: 09.05.2023).

Sikorski, Andreoletti, 2023 – *Andreoletti M., Andreoletti M.* Epistemic Functions of Replicability in Experimental Sciences: Defending the Orthodox View. *Found Sci* 2023 // URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10699-023-09901-4> (дата обращения: 09.05.2023).

Horizon, 2020 – *Horizon.* Work Programme 2018-2020 Science with and for Society // URL: https://ec.europa.eu/research/participants/data/ref/h2020/wp/2018-2020/main/h2020-wp1820-swfs_en.pdf (дата обращения: 09.05.2023)

УДК 167

Ноздрунов А.В.,

*кандидат философских наук, доцент
кафедры философии и культурологии,
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева*

Родина В.А.,

*старший преподаватель кафедры
логики философии и методологии науки,
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева*

Типы социальной организации в коммуникативной модели «ученый-эксперт»

DOI:

10.33979/2587-7534-2023-2-83-90

Институализация науки и усиление ее роли в социокультурном пространстве продуцируют принципиально новые модели научной коммуникации. В качестве одной из них выступает модель «ученый-эксперт», актуализирующая специфические элементы коммуникации с «заказчиком».

Будучи регламентированными определенными социальными нормами, взаимоотношения между экспертами и требования, предъявляемые к ним заказчиками, можно рассматривать в модальности внешних типов социальной регуляции. Формально подобная коммуникация тяготеет к законодательному типу социальной регуляции, то есть полная институализация его деятельности в обмен на ресурсы. Однако сами эксперты, представляя собой локальную социальную группу, тяготеют к традиционным типам социальной регуляции. Подобное противоречие выступает одним из ключевых факторов неудовлетворенности ряда экспертов своим положением.

Ключевые слова: *научное сообщество, научная коммуникация, социальные нормы, внешние типы социальных регулятивных систем.*

Nozdrunov A.V.

Candidate of Philosophy, Docent, Associate professor of Department of Philosophy and Cultural Studies, Orel State University named after I.S. Turgenev

Rodina V.A.

*Senior Lecturer
of Department of logic, philosophy and methodology of science,
Orel State University named after I.S. Turgenev*

Types of social organization in the communicative model "scientist-expert"

The institutionalization of science and the strengthening of its role in the sociocultural space produce fundamentally new models of scientific communication. One of them is the "expert scientist" model, which updates specific elements of communication with the "customer." Being regulated by certain social norms, the relationship between experts and the requirements imposed on them by customers can be considered in the modality of external types of social regulation. Formally, such communication gravitates to the legislative type of social regulation, that is, the complete institutionalization of its activities in exchange for resources. However, the experts themselves, representing a local social group, gravitate towards traditional types of social regulation. Such a contradiction is one of the key factors in the dissatisfaction of a number of experts with their position.

Keywords: *scientific community, scientific communication, social norms, external types of social regulatory systems.*

Начиная со второй половины XIX века, феномен науки превращается в полноценный социальный институт. Подобная интеграция в социокультурное пространство обеспечивает науку новым статусом, расширяющим ее полномочия за счет делегирования ее части власти. Так, например, М. Фуко характеризует данный процесс следующим образом: «В XIX веке придет день,

когда «человек», открытый в преступнике ... окажется в центре целого ряда странных наук и практик – «пенитенциарных», «криминологических» [Фуко, 1999:107]. Другими словами, различные отрасли науки получают неравномерное право в формировании и оценке тех или иных социальных норм. Обратной стороной подобной институализации выступает необходимость тесного взаимодействия между научным сообществом и широким кругом людей, в данное сообщество не входящих [Лебедев, Коськов, 1980: 19-20].

Подобная трансформация предполагает формирование принципиально новых моделей научной коммуникации, так как, во-первых, предполагается, что субъект-адресат научного сообщения априори имеет недостаточно компетенций, чтобы полноценно разбираться в специализированных научных вопросах. В данной модальности ученый выступает в качестве специализированного «переводчика», осуществляющего перевод информации с научного на обыденный язык. Во-вторых, интеграция в социокультурную среду трансформирует само значение научного знания. Так, например, по мнению Ж.Ф. Лиотара, научное знание начинает потребляться, формируя тем самым его стоимость: «Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте, и в обоих этих случаях, чтобы быть обменным» [Лиотар, 2006: 17]. В данной модальности, от исследователя ждут заранее определенных, конкретных результатов или прогнозов. В-третьих, институализация науки в социокультурной среде получает биполярный эффект. С одной стороны, научная деятельность уже не способна протекать полностью автономно, а это значит, что наука вынуждена подстраиваться под социальные, политические и экономические реалии. С другой стороны, наука сама начинает играть роль определенной идеологии, в рамках которой научное сообщество или отдельные ученые получают возможность формировать или оказывать существенное влияние на функционирующую в обществе систему ценностей.

Таким образом, мы можем выделить три принципиально разные коммуникативные модели, в которых ученый способен выполнять функцию эксперта, идеолога или популяризатора науки. В зависимости от выбранной модели научная коммуникация будет использовать различные типы социальной регуляции, детерминирующие ее процесс. В данной статье мы остановимся на анализе типов социальной регуляции, функционирующей в модели «ученый-эксперт».

В наиболее упрощенном виде коммуникативная модель, при которой ученый выступает в качестве эксперта, описывается структурой «эксперт-заказчик», при которой научная информация трансформируется в соответствии с конкретно-практической модальностью ее применения [Хабермас, 2007: 150]. Как правило, заказчик ждет от эксперта конкретного решения поставленной задачи, игнорируя теоретические аспекты осмысления проблемы. Одним из значимых факторов подобного взаимодействия выступает допущение того, что эксперты имеют тенденцию ошибаться. Как отмечает Т. Николс в своей книге «Смерть экспертизы: как Интернет убивает научные знания»: «Дилетанты

чувствуют себя некомфортно в случае какой-то двусмысленности и предпочитают однозначный ответ предупреждению, что такого ответа еще нет, и потому им придется действовать на свой страх и риск. Но наука – это процесс, а не вывод ... Дилетантам не стоит ждать от экспертов постоянной правоты. Если бы они были способны на такую точность, им бы тогда вообще не требовалось бы заниматься исследованиями и ставить эксперименты. Если бы эксперты в области политики были ясновидцами или всеведущими, то правительства разных стран никогда бы не испытывали дефицита бюджета, а войны возникали бы лишь из-за подстрекательства безумцев» [Николс, 2019: 266].

Сама возможность ошибки в выводах приводит к тому, что коммуникация между заказчиком и экспертом не способна строиться на жесткой системе верификации предложенного решения [Лебедев, Коськов, 2016: 20-21]. Более того, в большинстве случаев подобная система верификации попросту невозможна, так как при должных манипуляциях внутри системы эксперт способен обосновать практически любое решение. Так, например, У Куайн описывает данную проблему следующим образом: «любое высказывание может считаться истинным при любых обстоятельствах, если мы произведем достаточно решительные преобразования где-то внутри системы. Даже очень близкое к периферии высказывание может считаться истинным перед лицом неподатливого опыта, будучи оправданно галлюцинацией или исправлением определенных высказываний того типа, которые называются логическим законом» [Куайн, 2003: 45]. Заказчик же, лишенный должных научных компетенций, не сможет проверить выводы самостоятельно, а значит, будет вынужден либо довериться «своему» эксперту, либо же найти «другого».

Таким образом, в основе взаимоотношений между экспертом и заказчиком помещается «вера» в его компетентность, чаще всего верифицируемая положительными отзывами или признанием его коллег. На эту особенность обращает внимание Р. Мертон в работе «Социальная теория и социальная структура»: «Для экспертов, работающих в организации, удобно пригласить других экспертов, которых они знают и о которых могут высказать свое мнение на основании непосредственного знакомства. Сеть личных отношений между интеллектуалами служит часто фактором возникновения замкнутой группы, по крайней мере, среди самых важных советников» [Мертон, 2006: 342]. Одним из самых ярких примеров подобного взаимодействия выступает метод формирования экспертной группы, получивший название «Снежный ком» (Snow ball). На первом этапе актер выбирает заслуживающего с его точки зрения доверия эксперта. На следующем этапе эксперт называет несколько людей, обладающих, по его мнению, достаточными компетенциями в данном вопросе. Подобный процесс повторяется до тех пор, пока в списке предложенных «экспертов» перестанут появляться новые фамилии [Слепцова, 2019: 477].

Современные средства коммуникации углубляют данную тенденцию. С одной стороны, глобальная сеть Интернет расширяет возможности уже сложившейся межличностной модели «эксперт-заказчик», при которой последний по-прежнему выбирает «заслуживающего уважения» эксперта (даже

если его реальная компетенция в данной области является весьма сомнительной) и предоставляет новые технически возможности их взаимодействия, например, консультации в режиме Online. С другой стороны, Интернет добавляет к данной модели принципиально новый тип взаимодействия, в основе которого ложится уже не межличностная, а массовая коммуникация. Подобная особенность подкрепляется стремительным развитием мультиконтентной блогосферы.

Ряд исследователей выделяет две наиболее устойчивые роли, характерные для данной медиасреды, а именно «блогер-читатель» и «блогер-писатель» [Волохонский, 2006: 123-125]. Эксперт, генерирующий контент, использует вторую роль, в то время как совокупность «блогеров-читателей», заинтересованных в данном контенте, представляет собой коллективного заказчика. Ярким примером подобных блогов выступают популярные медиаресурсы экспертов в области медицины. Относительная свобода трансляции информации, осуществляемая, как минимум, в рамках собственного блога, наглядно демонстрирует еще одну, не менее важную для нашего исследования, особенность данной коммуникативной модели, а именно – стилистики научного сообщения.

Основной задачей ученого, выступающего в качестве эксперта, является попытка позитивного решения конкретной практической задачи, поставленной перед ним. В данных условиях его основной целью становится не абстрактное доказательство своего решения, а наглядная демонстрация собственной правоты. По этой причине эксперт вынужден отходить от формализованной и обезличенной модели трансляции информации (характерной для коммуникации внутри научного сообщества), демонстративно подчеркивая субъективность своей позиции. На эту особенность обращает внимание А.И Черных, подчеркивая, что «в отличие от научных публикаций в экспертных заключениях не просто излагается мнение, но оно излагается с целью убедить, перетащить на свою сторону, добиться согласия, что определяет особую их стилистику. Цель ее – выразить чувство и «точку зрения», рассказать о том, «что такое хорошо и что такое плохо», в конечном счете – раскрыть людям глаза, чтобы убедить их в правильности и даже единственности предлагаемых решений» [Черных, 2010: 22].

Таким образом, мы можем обозначить специфику трех основных элементов, характерных для научной коммуникации, и ее экстраполяцию на модель «ученый-эксперт», а именно: особенность выбора эксперта или экспертного коллектива (субъекта-отправителя научной коммуникации); взаимодействие эксперта с заказчиком (то есть с субъектом-адресатом), а также стиль транслируемого сообщения (медиумом и формой сообщения [Назарчук, 2012: 55-56]). Каждый из представленных элементов формирует свои специфические нормы социальной регуляции, осуществляемой в процессе взаимодействия субъектов. Несмотря на то что нормативные комплексы будут отличаться в зависимости от конкретных ситуаций, мы можем выделить в них некоторые общие тенденции, указывающие на принадлежность данных комплексов к тому или иному типу социальных регулятивных систем.

В зависимости от субъектных компонентов мы можем выделить три основных типа социальной регуляции, а именно: традиционный тип, законодательный тип, образующий внешнюю систему регуляции, и моральный тип, представляющий внутреннюю систему регуляции. Как уже отмечалось выше, заказчик заинтересован в положительном решении своей проблемы, а, следовательно, вынужден принимать определенное решение, даже если оно противоречит аксиологическим установкам эксперта. В наиболее общем виде подобная проблема представлена в качестве допущения «банальности зла», сформулированного в работе Х. Аренд [Аренд, 2008]. В рамках нашего исследования, данное положение значимо тем, что фактически нивелирует внутренний тип социальной регуляции эксперта, так как он индифферентен для «заказчика».

Для традиционного типа социальной регуляции выступают характерными следующие особенности: локальность и всеобщность, то есть формирование и обязательность для определенного поля социального пространства; регулярность и цикличность повторения; фактическое отсутствие письменной фиксации; «ненаучность», или же относительная некритичность восприятия функционирующих норм; безымянность, или отсутствие фактического автора; а также стихийность возникновения. Законодательный тип социальной регуляции предполагает следующие особенности: динамика и постоянное усовершенствование; четкая фиксация как установленных требований, так и самого факта социальной нормы; рациональность, а также обязательность контролирующей инстанции.

Формальная организация коммуникативных взаимодействий в модели «эксперт-заказчик» строится на основе законодательного типа социальной регуляции, выступающего универсальной доминантной для социокультурного пространства развитых стран. Подобная организация формируется за счет интеграции эксперта в рамки бюрократического аппарата, наглядными примерами чему выступают: требование отчетности; временные ограничения; идеологические требования, в соответствии с которыми задача должна решаться; практическая ориентированность поставленных задач и так далее. Фактически, бюрократизация экспертной деятельности приводит к уменьшению автономности исследователя. Но взамен он получает необходимые ресурсы для продолжения своей деятельности.

Тем не менее функционирование коммуникации «эксперт-заказчик» на основе законодательного типа социальных норм имеет ряд недостатков, выраженных, в первую очередь, в неудовлетворенности эксперта своим положением. Как отмечает Р. Мертон: «Частая смена экспертного персонала в государственной бюрократии происходит не просто из-за неудовлетворенности заказчиков или критики со стороны внешних групп (например, Конгрессом). Она возникает часто в результате накопившейся фрустрации, испытываемой интеллектуалами. Ранее они испытывали чувство личной независимости и не в состоянии выносить очевидные ограничения, накладываемые формальной организацией» [Мертон, 2006: 356-357].

На наш взгляд, в наиболее общем виде причиной данной фрустрации выступает диссонанс между типами внешней социальной регуляции. В данном случае мы используем для объяснения теорию когнитивного диссонанса Л. Фестингера: «Социальные ожидания в отношении роли и требования самой роли – первостепенные причины возникновения диссонанса ... Главное, на что я хочу указать, – это то, что феномен трансформации принятия взглядов и ценностей, характерных для новой социальной роли, может быть адекватно объяснен в терминах снижения когнитивного диссонанса» [Фестингер, 2000: 311-312].

Проводя анализ основных элементов, характерных для научной коммуникации и ее экстраполяцию на модель «ученый-эксперт», мы можем выделить в них тенденцию, характерную для локального типа социальной доминации, а именно – тяготение к традиционным формам социального регулирования. Во-первых, формирование экспертного сообщества формируется и функционирует на основании негласных договоренностей и социальной иерархии между экспертами. Во-вторых, компетентность эксперта определяется заказчиком субъективно. В-третьих, стилистика коммуникации между заказчиком и экспертом имеет неформальный характер, так как для убеждения в своей правоте применяется самый широкий спектр риторических средств.

Другими словами, социальные ожидания от экспертной роли предполагают организацию на основе социальных норм традиционного типа, но в реальности сталкиваются с законодательной моделью социальной организации. Возникший между социальными нормами когнитивный диссонанс решается либо адаптацией отдельно взятых экспертов к новой социальной среде (то есть снижением диссонанса), либо же разочарованием и исключением себя из данной социальной группы. Отчасти данная проблема решается в рамках коммуникации, осуществляемой в сети Интернет, так как универсальный тип социальной доминации глобальной Сети тяготеет к традиционным социальным нормам и, следовательно, в большей степени близок для модели «эксперт-заказчик».

Список литературы

Аренд, 2008 – *Аренд Х.* Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Издательство: Европа. 2008. 424 с.

Волохонский, 2006 – *Волохонский В. Л.* Психологические механизмы и основания классификации блогов // *Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet. Блоги: новая реальность.* СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 117-131 // URL: <https://docplayer.ru/32389921-Psihologicheskie-mehanizmy-i-osnovaniya-klassifikacii-blogov-1.html> (дата обращения 06.06.2022)/

Куайн, 2003 – *Куайн У.* С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2003. 166 с.

Лебедев, Коськов, 1980 – *Лебедев С.А., Коськов С.Н.* Гносеологические корни возникновения конвенционализма // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1980. № 5. С. 17-23.

Лебедев, Лебедев, Коськов, 2016 – *Лебедев С.А., Лебедев К.С., Коськов С.Н.* Позитивно-диалектическая программа философии науки // Известия Российской академии образования. 2016. № 4 (40). С. 5-36.

Лиотар, 2006 – *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя. 1998. 160 с.

Мертон, 2006 – *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. 873.

Назарчук, 2012 – *Назарчук А. В.* Учение Никласа Лумана о коммуникации. М.: Издательство «Весь Мир». 2012. 248 с.

Николс, 2019 – *Николс Т.* Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания. Москва: Эксмо, 2019. 368 с.

Слепцова, 2019 – *Слепцова М. В.* Выбор экспертов для проведения педагогической экспертизы в E-learning // Перспективы науки и образования. 2019. № 4 (40). С. 473-483.

Фестингер, 2000 – *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. Издательство «Речь». 2000. 320 с.

Фуко, 1999 – *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem». 1999. 480 с.

Хабермас, 2007 – *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология». М.: Праксис, 2007. – 208 с.

Черных, 2010 – *Черных А. И.* Экспертное знание и публичная экспертиза. М.: Изд. дом Гос. ун-та. Высшей школы экономики, 2010. 32 с.

УДК 004.946 : 316.77

Вавилова Ж. Е.,

*кандидат философских наук, доцент кафедры
философии и медиакоммуникаций*

Казанского государственного энергетического университета

Алиментарные практики человека в эпоху виртуализации бытия: мокпан

DOI:

10.33979/2587-7534-2023-2-90-97

Мокпан, или гастрономический вуайеризм, представляет собой специфический алиментарный феномен современной сетевой эпохи. Это просмотр видео или трансляции принятия пищи перед камерой. Анализ, проведенный в работе, позволяет прийти к выводу, что мокпан является одной из современных технологически обусловленных форм приобщения человека к жизни социума. Как способ семиотического конструирования он носит во